

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Юрий БРАЙДЕР
Николай ЧАДОВИЧ

ЛИЧНЫЙ
КОНТАКТ

ББК 83.3 Бел.

Б 87

Брайдер Ю. М., Чадович Н. Т.

Личный контакт. Фантастические рассказы.

М. , Прометей, 1989. — 32 с.

Издание подготовлено ЛИА «Эридан» Минск
и ЛИА «ЛИТ» Рига.

В этой книге помещены два совершенно различных по стилю и духу фантастических рассказа белорусских писателей Ю. Брайдера и Н. Чадовича. Первый — трагедийного плана, второй — с изрядной долей юмора и сатиры.

4702120201—285

Б

183(2)

без объявл.

© Издательство «Прометей» МГПИ
им. В. И. Ленина, 1989

**ЮРИЙ БРАЙДЕР
НИКОЛАЙ ЧАДОВИЧ**

ЛИЧНЫЙ КОНТАКТ

Когда-нибудь такое могло случиться с любым из них.

Одновременный отказ хотя бы десятка из миллионов псевдоживых элементов темпера, находящегося в перестроенном пространстве, почти неминуемо ведет к его гибели. И хотя такая возможность считалась ничтожно малой, люди, исследовавшие свойства времени или изучавшие историю прошедших веков, никогда не должны были забывать об этом.

Потерявший всякую связь и управление темпера, рассыпая искры и срезая деревья, ударился несколько раз о землю и унесся куда-то, оставив среди редкого лиственного леса изувеченное человеческое тело и несколько оплавленных обломков, разбросанных вдоль глубокой, дымящейся борозды. Обломки эти, вырванные из единой структуры темпера, вскоре превратились в лужи зеленой жижи и бесследно всосались в почву.

Через несколько часов, когда солнце склонилось к верхушкам деревьев, потерпевший аварию человек открыл глаза.

Над ним светилось прозрачной голубизной высокое небо с плывущей белой паутинкой облаков. Едва заметно шевелились листья молодых дубков, пылали калиновые гроздья, в кустах посвистывала птица.

Он попытался повернуть голову и не смог. Правая рука действовала с трудом, левую он не ощущал совсем — так же, как и обе ноги. Лужа крови, в которой он лежал, успела загустеть, и черные лесные муравьи растаскивали темно-красные крошки.

Усилием воли человек остановил кровотечение, ослабил, насколько это было возможно, чувство боли, замедлил работу сердца и заставил костный мозг, лимфу и селезенку увеличить выход лейкоцитов и эритроцитов. Несколько последовательных попыток срастить раздробленные кости и раздавленные мышцы окончились безуспешно. И хотя он был просто исследователем, а не врачом или спасателем, установить причину неудачи для него не составило труда: тяжелые повреждения головного и спинного мозга, обрыв большинства крупных нервных узлов и цепей. А еще ему очень не хватало обыкновенной воды. Впервые в жизни, если не считать короткого периода сразу после рождения, он не был хозяином собственного тела.

Он понимал, что обречен, что процессы некроза в организме станут необратимыми гораздо раньше, чем спасатели, неминуемо сбитые со следа улетевшим дальше, в прошлое, темпером, отыщут его здесь. Он мог бы легко и безболезненно умертвить себя, но мысль об этом даже не приходила в голову, хотя смерти он не боялся. Люди его эпохи жили так долго и умирали так редко, что уже давно забыл, что это такое — страх смерти.

Время от времени небо и деревья перед его глазами теряли цвет и четкость, как бы удаляясь куда-то, и только ослепительный блеск солнца пробивал черный туман.

Когда исследователь очнулся в очередной раз, над ним кто-то стоял. Сознание медленно возвращалось к нему, и пестрые сколки окружающего мира, сбегавшись, как разноцветные стеклышки в калейдоскопе, образовали, наконец, ясные зрительные образы.

Это были пралюди. Трое. Маленького роста, скорее всего, дети. Босые и оборванные, со светлыми нечесанными вихрами. Самый маленький тихо плакал, придерживая правой рукой левую ниже локтя. Средний, удивленно раскрыв рот, присел на корточки. Старший, гладивший до этого малыша по голове, наклонился и что-то сказал. Речь его была не понятна исследователю. Скорее всего, это был один из диалектов какого-то индоевропейского языка шести-семитысячелетней давности.

Тогда исследователь заглянул в глаза детей, а через них — в их души. Он понял, что дети голодны и напуганы. У самого маленького была еще и физическая боль, заполнявшая все его крохотное существо. Совсем недавно, возможно, несколько часов назад, родственники детей были убиты, а их жилище уничтожено.

Исследователь попробовал прикинуть, в какие времена это могло случиться. Период получался довольно солидный — тысячи лет.

Рассудок опять начал уходить из-под контроля: то ли наяву, то ли во сне, он вновь увидел картины, которые не раз наблюдал из своего темпера.

... Пралюди с топорами и дубинами, одеты в куры с длинной шерстью, вытаскивают из земляных нор других пралюдей, безоружных, одетых в оленьи кожи. Глухие удары, хруст костей, опли, детский плач, равномерный шелест информационного аппарата ...

... Пралюди на конях, закованные в железо, есят к болоту и колют пиками других пралюдей, молитвы, детский плач, шелест информационного аппарата над ухом ...

... Пралюди в гусеничных устройствах с огнестрельным оружием окружают других пралюдей, почти голых, с узлами, посудой, с детьми на руках. Грохот выстрелов, рев моторов, детский плач и снова шелест информационного аппарата, нестрастно регистрирующего в своей бездонной памяти все происходящее ...

Пересилив бред, исследователь пришел в себя, Дети все еще стояли возле него.

— Дыхае, — сказал старший.

— Можа, немец? — предположил средний.

— Не. Немец тут ляжаць не будзе, — не согласился старший.

— А криви кольки!

— Ен пиць хоча, — сказал старший.

— Адкуль ты ведаеш?

— Ен хоча. Я чую. Прыняси з рэчки. И малому дадзим.

— Ага, а як забьюць!

— Тады я сам. Глядзи малога.

Прошло немало времени, прежде чем мальчик вернулся, осторожно неся перед собой линияющую пилотку, полную тепловатой, пахнувшей рекой

воды. Сначала он напоил младшего брата, тот, выпив немного, снова тихонько завыл. Потом, наклонившись, приставил пилотку к запекшимся губам исследователя.

— Каля маста стаяць два палицаи и немец, — сказал он. — Мяне не бачыли.

Обезвоженный организм быстро поглощал влагу, почти сразу превращая ее в кровь, лимфу и соединительные ткани. Один за другим восстанавливались разорванные нейроны. Стали срастаться капилляры, а затем и крупные сосуды. Прояснилось сознание.

— Яшча хоча, — сказал старший.

— Не хадзи, — запротестовал средний. — Страшна!

— Дурань, — ответил старший. — Глядзи малога.

На этот раз его не было еще дольше, и когда он, насквозь промокший, появился, наконец, из кустов, ревели уже двое — и младший, и средний.

— Циха вы! — цыкнул он на братьев. — Немцы пачуюць!

Напоив раненого, спросил:

— Дзядзька, а вы не партызан?

Не дождавшись ответа, продолжал:

— А нашу веску раницай спалили. Мамка нас у пуни схавала, а сама са старой и цеткай Таняй пайшли на двор. Усих вясковых загнали у свيران и падпалили. Я праз дзирку бачую. А як стали хаты палиць, мы да лесу пабегли. Малога я на руках цягнуу, а ен цяжки — летась тры гады оыло. Чую, страляюць па нас. Адна куля малога и зачapiла. Раницай зачapiла, а крывы усе идзе. Памрэ, мабыць.

Слов мальчика он не понял, но смысл их был ясен и так. Молча, одними глазами, исследователь подозвал малыша к себе. Но тот, охваченный опустошающей стихией боли, совершенно не реагировал на телепатический призыв. Тогда старший приподнял и посадил его именно там, где нужно, — справа, на расстоянии вытянутой руки.

Длинные мягкие пальцы легли на горячую голову, и спустя минуту мальчик перестал хныкать. Затем исследователь начал осторожно гладить лицо, худые плечи и, наконец, коснулся пропитанного кровью тряпья на левом предплечье. Старший, действуя как бы помимо воли, но быстро и уверенно, снял повязку. Малыш даже не вздрогнул. Его широко раскрытые глаза неотрывно глядели в другие глаза, в другую душу, бездонную и непонятную, как будто даже и не человеческую, которая в этот момент слилась с его маленькой детской душой. Слилась и поглотила, как озеро поглощает дождевую каплю.

Пуля вырвала кусок мышцы и раздробила кость. Ниже локтя рука распухла и посинела.

До предела напрягая волю, собирая в комок все силы, что еще оставались в нем, исследователь начал медленно водить рукой над раной, иногда едва-едва касаясь ее, стараясь целиком сосредоточиться на акте исцеления и не думать о том, что уходящая из тела биологическая энергия сейчас так необходима ему самому.

— Бачыш? — заметил старший. — Кривая уже не идет.

Рана на глазах подсыхала, покрывалась свежей розовой кожей. Последним усилием, действуя уже за пределами возможного, исследователь срастил кость, подавил воспалительные про-

цессы в организме, активизировал все его защитные силы и ... потерял сознание. Раньше он мог проделать все это шутя, но теперь, на пороге небытия, спасение чужой жизни могло стоить ему собственной.

Уже смеркалось, когда исследователь пришел в себя.

— Паешце, — тихо сказал старший. — Я дзичак назбирау. Мы паели.

Исследователь с трудом разжевал и проглотил несколько кислых плодов. В небе появились первые звезды. За то время, пока он был без сознания, дети замаскировали его зелеными ветками.

— Трэба хавацца, — объяснил старший. — Пазаутра могуць прачасаць лес. Ды и не лес гэта, а так ... Да пушчы далека, а немцы з вески не пайшли. Чуеце, сабаки брэшуць. Гэта их сабаки. Нашых яны пабили.

Дети устроились на почлег под большим ореховым кустом, сбившись в кучу и положив младшего в середину. Когда старшие братья уснули, тот перелез через них и уткнулся мокрой мордашкой в щеку исследователя.

— Татка, — забормотал он. — Татка, ты вярнуося? — И заплакал. Но не так, как плакал до этого, измученный болью, и не так, как плачут обычно дети его возраста, а тихо и трудно, как плачут уставшие и изверившиеся взрослые люди.

— Татка, — всхлипывал он. — Дзе ж ты быу? Пойдзем да хаты. Тут дрэнна. Мамка карову падаила. Я есци хачу.

Исследователь коснулся губами лица малыша и зашептал что-то, угадывая в детском сознании те слова, которых тот ждал, к которым привык

и которые должны были его успокоить. Шептал он до тех пор, пока ребенок не уснул, все еще исхлипывая и шмыгая носом.

Ему самому сон не был необходим. Закрыв глаза, он лежал и вслушивался в окружающий его чужой и нерадостный мир.

От спящих детей исходила тревога и горе. Ветер гнал запахи гари, железа и нефти. Со всех сторон, понятные только ему одному, доносились обрывки чьих-то снов и мыслей. Часть людей ждала утра, чтобы возобновить убийства, ругие, которых осталось совсем немного, готовились к смерти или пробовали искать способы спасения.

Впервые в жизни он находился так близко от людей. Вступать с ними в контакт, а тем более влиять на ход давным-давно свершившихся событий, строгойше запрещалось. До сих пор он считал, что нарушить этот запрет так же невозможно, как, к примеру, солгать или совершить убийство. Однако сегодня днем какое-то увество, дремавшее до этого в уголках подсознания, нечто более сильное, чем все усвоенные за прошедшие тысячелетия этические нормы, заставило его забыть об этом. Он не винил себя в случившемся, так как понимал, что поступить иначе все равно не смог бы. Совершенно не способный к самообману, он прекрасно понимал, что жить ему осталось не более суток. Но не приближение смерти угнетало исследователя, а то, что в эти последние отпущенные ему часы он неизбежно окажется свидетелем гибели трех маленьких человеческих существ, неожиданно ставших такими близкими для него. Спасти детей было невозможно. Его собственные силы полностью иссякли, а рассчитывать на милость врагов не приходилось.

Небо уже начало светлеть, когда его позвал
«Я уже здесь. Как твое самочувствие?»

«Жив пока», — мысленно ответил он, глядя туда, где должен был находиться невидимый для постороннего взгляда темпер. Окружавшая его сфера перестроенного пространства колебалась в потоке времени, как воздушный шарик ветру, — уходя попеременно то в прошлое, в будущее, но это не мешало телепатической связи, которая происходила за доли секунды.

«Ты можешь подняться ко мне?» — спросил спасатель.

«Нет. У меня сломаны кости».

«Хорошо. Тогда я спущусь».

Откуда-то появился густой туман и, как холодное молоко, разлился по сырой траве. В небе раздался высокий дребезжащий звук — теперь вышел из перестроенного пространства. Исследователь ощутил волну сочувствия, исходящую от спасателя.

«Кто это рядом с тобой? Пралюди?»

«Да».

«Заставь их уйти».

«Я не могу».

«Тогда это сделаю я».

Дети разом проснулись и ескачили, испуганно озираясь. Капли росы дрожали на их волосах. Старший подхватил младшего на руки, и трое исчезли в кустах. Последний взгляд мальчика — взгляд, в котором были мольба и страхи и надежда, — заставил исследователя, забыв о боли и смерти, забиться в конвульсиях.

«Зачем ты их прогнал?»

«Я не понимаю тебя».

«Зачем ты их прогнал? Они погибнут!»

«Успокойся, тебе нельзя сейчас волноваться».
«Спаси их, спаси!»
«Сначала я должен спасти тебя. Успокойся и постарайся помочь мне».

Голова исследователя закружилась, но это был не обморок, а неглубокая дрема. Ласковые исцеляющие руки коснулись его лица, груди, ног. Что-то теплое и прозрачное накрыло все его тело. В вены потекла животворная жидкость. Кости сами собой шевельнулись, соединяясь. Заныли пальцы левой руки. Он ощутил биение крови и трепет мышц в ногах. Все больше органов возвращалось под контроль мозга, и спустя некоторое время он уже сам помогал спасателю. Организм, окутанный двойным биологическим полем, быстро восстанавливал свои функции.

«Ну вот, пожалуй, и все. Остальное закончим после возвращения».

Несколько секунд исследователь лежал неподвижно, словно собираясь с силами, затем напрягся и, оторвав тело от земли, завис над ней в горизонтальном положении на высоте полуметра.

«Осторожнее! — предупредил спасатель. — Нужно время, чтобы стал таким, как прежде».

Вдвоем они поднялись в темпер, который висел над деревьями и был похож сейчас на дисквидное, слегка растрепанное ветром облако сероватого тумана. Лишь его края переливались тусклым светом, то голубым, то розовым, и этот свет странными бликами отражался на мокрой траве.

Спасатель прикоснулся рукой к панели управления, на которой не было ни кнопок, ни индикаторов, и темпер плавно пошел вверх.

«Теперь надо спасти детей», — попросил исследователь.

«Ты же знаешь, что это невыполнимо, — ответил спасатель. — Думаешь, я не хочу помочь им? Любой из нас, будь это только возможно, не пожалел бы для их спасения и собственной жизни. Не забывай, что я знаю и чувствую все, что успел узнать и почувствовать ты. Вместе с тобой я пережил и аварию, и ожидание смерти, и встречу с пралюдьми, и все остальное. Я страдаю не меньше тебя. Но я не забыл, кто мы и для чего здесь находимся. Вспомни, сколько лет мы изучаем прошлое и сколько лет на наших глазах пралюди творят зло и убивают себе подобных. Но не будь веков темноты и жестокости, не было бы и нас с тобой, нашего общества, давно решившего все социальные проблемы и освоившего Вселенную на сотни световых лет вокруг. Сотворить маленькое добро ничего не стоит, но как предугадать последствия этого поступка? Мы не имеем права сеять среди предков пустые иллюзии. Они привыкнут ожидать помощи от высших существ. Будут надеяться, что справедливость, добро и спасение ниспошлет им небо, и перестанут искать это в себе самих и себе подобных. Прекратится борьба и прогресс».

«Это общие рассуждения. А я хочу спасти всего лишь троих. Воспоминание о случившемся я немедленно сотру из их памяти».

«Там, внизу, гибнут сейчас сотни живых существ. Разве мы в состоянии помочь всем?»

Темпер продолжал быстро подниматься, и просторы земли открывались все шире. Исследователь увидел сожженную деревню — полсотни еще дымящихся пепелищ, покрытые копотью яблоневые сады, кривые жерди уцелевших заборов, свернутые шеи «журавлей» у взорванных гранатами колодцев, колонну неподвижных машин за

околицей. Тихая, заросшая камышом и анром река терялась на горизонте среди густого и темного леса, края которого не было видно даже отсюда. Прямоугольники обработанной земли, темно-зеленые пятна торфяных болот, выкошенные лужки перемежались небольшими перелесками, в одном из которых была заметна свежая просека, оставленная разбившимся темпером.

По обоим берегам речки, растянувшись на несколько километров влево и вправо, двигалась от сожженной деревни по направлению к лесу цепь пестро одетых пралюдей с белыми повязками на рукавах. Они громко переговаривались между собой и временами постреливали вверх из карабинов.

Три белобрысые головки мелькали в волнах травы впереди них.

Для того, чтобы достигнуть леса, детям необходимо было пересечь шоссе и лесозащитную полосу, за которой невидимая для них, двигалась навстречу первая цепь пралюдей. Эти были одеты в черное, на груди у них висели автоматы, многие держали собак на коротких поводках.

«Ты не можешь спасти детей, не причинив вреда их врагам, — сказал спасатель. — Подумай, что ты собираешься сделать!»

«Я не смогу жить, если не сделаю этого».

«Ты повредил психику! И не можешь сейчас отвечать за свои поступки!»

Но исследователь уже положил свои ладони на панель управления, рядом с ладонями спасателя.

Темпер качнулся несколько раз, словно решая, чьей воле повиноваться, и резко пошел вниз. Спасатель вздохнул и нехотя убрал руки с панели.

В это время пралюди в черном пересекли шоссе и углубились в лесополосу, а некоторые уже показались из-за деревьев. Собаки, увидев бегущих к ним детей, зарычали, натягивая поводки.

Дети растерялись. Вместо того, чтобы повернуть налево и бежать под защиту кустов к болотцу, они бросились назад. Пралюди с белыми тряпками на рукавах засвистели, загоготали, некоторые вскинули карабины.

... Остановить в полете пули не могли даже люди, покорившие время и научившиеся управлять своим светилом.

Дети упали. Потом самый маленький встал и принялся тормошить братьев, на рубашках которых уже расплывались кровавые пятна. Он то отбегал в сторону, то снова возвращался, рыдая, и тянул, тянул их за руки, пытаясь оторвать от земли. С нестерпимой отчетливостью исследователь ощутил ужас ребенка и сквозь километры пространства и оболочку темпера услышал визг пуль, вздымавших вокруг малыша фонтанчики пыли.

Та, роковая, пуля, казалось, пронзила и самого исследователя. Совершенно отчетливо он почувствовал и впившуюся под ребро обжигающую боль, и вкус хлынувшей в горло крови, и последний судорожный скачок сердца.

Пралюди с повязками там, на земле, еще перезаряжали оружие, другие еще тянули шеи, стараясь разглядеть, что случилось и в кого стреляют, когда из-за низких туч стремительно и бесшумно вылетело нечто, не имеющее ни четких форм, ни определенного цвета.

Никому — ни человеческим существам, ни собакам — не пришлось мучиться долго.

Но в тот короткий миг, когда волосы на голове встали дыбом, голосовые связки лопались от немого крика, а ужас дробил сознание, некоторые успели разглядеть в глубине полупрозрачного, словно размазанного в полете диска, две высокие человеческие фигуры, одна из которых падала навзничь, а другая согнулась, обхватив голову руками...

Лишь в нескольких метрах от земли спасатель, и сам оглушенный сильнейшим шоковым внушением, сумел овладеть управлением темпера. Подняв его потом на несколько десятков километров ввысь, он создал сферу перестроенного пространства и бросился в будущее. Спасатель спешил, хотя необходимости в этом уже не было.

Человек, лежавший у его ног, был безнадежно мертв, убитый силой своей собственной ненависти.

ПОРЯДОК РЕГИСТРАЦИИ

Не думаю, что ошибусь, если приравняю первый сверхсветовой полет к таким этапным историческим событиям, как первая пробежка далекого предка на своих двоих, первый верховой заезд на только что прирученной кляче и первый подъем воздушного шара братьев Монгольфье. Сейчас просто смешно вспоминать, как заблуждались лучшие умы человечества, считая скорость света каким-то недостижимым пределом. В конце концов оказалось, что мироздание неисчерпаемо и бесконечно во всех своих свойствах, и в нем нет пределов для разума.

Не буду говорить здесь, с какой тщательностью подбиралась кандидатура пилота для первого сверхсветового полета. Среди великого множества предъявленных к нему требований было одно, на котором споткнулись почти все претенденты — безусловное согласие на полет абсолютно всех родственников, так как, по релятивистским законам, возвращение экспедиции ожидалось через два миллиона лет по земному счету. Так вот, я оказался единственным кандидатом, все родственники которого дружно согласились на вечную

разлуку. Надо будет над этим фактом поразмыслить на досуге. Но не это главное.

Стартовал я со спутника Нептуна Тритона, дождавшись момента, когда все обитаемые планеты удалились на безопасное расстояние. Запуск прошел без особых происшествий, если не считать того, что отброшенный за орбиту Урана Тритон превратился в десятую планету, Нептун приобрел шикарное кольцо, а у Земли слегка перекосило ось.

Наиболее ответственным моментом в моем путешествии оказалось преодоление светового барьера. Корабль, а вместе с ним и я распались при этом на элементарные частицы гораздо более низкого уровня, чем кварки. Теоретически готовый к этому, я, тем не менее, сразу же после того, как вновь обрел прежнюю структуру, кинулся к ближайшему зеркалу, а потом еще долго с подозрением ощупывал все части своего тела.

Основной целью полета было, конечно же, установление контакта с разумными обитателями иных миров, если таковые отыщутся. В этом деле мне должно было помочь другое великое изобретение человечества — лингвистический анализатор-синтезатор. По двум-трем словам, жестам или телепатическим сигналам он мог почти мгновенно создать словарь, фонетику и грамматику практически любого языка. На пусковых испытаниях этот электронный монстр расшифровал речь дельфинов, создал всеобщий универсальный разговорник и окончательно запутал вопрос об эскимосо-полинезийских культурных отношениях.

Первый инопланетный корабль повстречался мне сразу же за Альфой Центавра. Шел он на сверхсветовой скорости, поэтому о его размерах и форме я ничего определенного сказать не могу.

Тем не менее, зрелище было захватывающее: оказавшиеся поблизости звезды мигали и гасли, как на сквозняке, пространство, а заодно и время разлетались вдребезги и проваливались в тартарары, «черные дыры» сотнями возникали за кормой корабля, как пузыри в кильватере океанского лайнера. Конечно же, я сразу попытался наладить контакт.

— Люди Земли приветствуют собратьев по разуму ... — начал я заранее заготовленную фразу, но меня тут же бесцеремонно прервали:

— Что там у тебя? Авария?

— ... И предлагают объединить усилия в деле познания мира, — закончил я несколько упавшим голосом.

— Эх, мне бы твои заботы! — с такими словами инопланетянин пронесся мимо.

Вскоре я убедился, что космические корабли в Галактике встречаются так же часто, как рыболовные шаланды в черноморских лиманах. Правда, все они, как один, обменявшись со мной приветствиями (кто дружелюбно, кто холодно, а кто и с непонятной иронией), исчезали вдали. Наконец, какой-то неудачник, неподвижно висевший в пространстве между Сириусом и Канопусом, выслушав мою сакраментальную фразу, кратко ответил: «Подгребай! Я резко затормозил, умер, превратившись во всепроникающее излучение, потом воскрес, материализовавшись и, еще не очухавшись, причалил к чужому кораблю. Формой он походил на огромный бублик, составленный из множества других бубликов поменьше. Обшивка на одном из этих бубликов была снята, и двое инопланетян копались в обнаженных механизмах. Скафандры их напоминали канцелярские

шкафы со множеством отделений. У одного скафандр был малиновый, у другого — желтый в полосу.

— У тебя запасного фотонного делителя не найдется? — спросил малиновый, прежде чем я успел открыть рот.

— Нет, — ответил я, слегка обескураженный его бесцеремонностью. — Скорее всего, нет.

— Откуда у него, — процедил желтый в полосу.

— Тогда извини, — сказал малиновый. — Следуй дальше.

— Я не спешу, — ответил я. — Обитатели планеты Земля уполномочили меня вступить в ... ну, как это называется ... в какое-нибудь галактическое объединение или сообщество. Есть ведь такие?

— Ты имеешь в виду Ассоциацию Разумных Миров? Или Лигу Мировых Разумов? А может, тебе нужна Организация Центрально-галактических Звезд?

— А какая между ними разница? — спросил я. Да, что ни говори, не так мне представлялся первый Контакт.

— Почти никакой, — ответил малиновый, не прекращая работы. — В Лиге самый низкий регистрационный тариф, а в Ассоциации, говорят, самая маленькая очередь.

— Туда и очередь есть? — удивился я.

— А ты как думал? Если все кучей полезут в Лигу или Ассоциацию, знаешь, что будет? ... Подай сюда виброкувалду. Вон она, возле тебя плавает.

— А сами вы члены чего?

— Не помню уже ... Кажется, Ассоциации.

— Так, может, вы и меня в нее примете? Без очереди, конечно. За мной не заржавеет?

— Где же это видно, чтобы встречный принимал в Ассоциацию, — ответил малиновый. Виброкувалду он уже сломал и теперь искал, чем бы ее заменить. — Так дела не делаются. Двигай на региональный регистрационный пункт.

— А где он?

— Ближайший — на Асхидии, но тебе нужно по территориальности — на Тройной Рог.

— Как же туда добраться?

— Как добраться? А ты возьми с собой его, — малиновый указал на желтенького в полоску, который ни в разговоре, ни в работе участия не принимал, а только рассеянно подрыгивал нижними конечностями. — Мне от него все равно никакой пользы, зато дорогу он знает. Достанешь делитель, — это относилось уже к желтенькому, — и сразу возвращайся. Не вздумай задерживаться!

Желтенький пренебрежительно фыркнул и, пробормотав нечто вроде: «Как же, дождешься,» — направился к моему кораблю.

Попутчик мой оказался существом скрытным и малообщительным. Ни мой корабль, ни мое общество, ни моя пища его явно не устраивали. Всю дорогу он исправно бил баклуши, лишь изредка снисходя до того, чтобы указать мне на погрешности курса. Вскоре встречные корабли почти перестали попадаться, зато попутные перли косяками. Одни из них обгоняли меня, других обгонял я сам. Признаться, не думал не гадал я раньше, что буду сидеть когда-нибудь вот так, жуя картофельную пасту с сублимированной селедкой, и без всякого интереса созерцать на всех экранах легионы разнообразнейших космических кораблей, явившихся сюда черт знает из каких глубин Галактики.

До Тройного Рога оставалось уже совсем немного, когда сверху на меня свалился некий космический аппарат, размеры которого соотносились с размерами моего корабля, как у кита с карасем. Довольно неприятный по тембру и интонациям бас громоподобно заревел.

— Куда лезешь на маршевом двигателе?! Предупредительных сигналов не видишь? Немедленно тормози! Тебя возьмут на буксир!

После этого корабль мой сильно трянуло, и он оказался в кильватере гиганта, где уже болталось с дюжину нарушителей.

— Седьмой, Седьмой! — вновь загрохотал бас, так что у меня чуть не лопнули барабанные перепонки. — Имею комплект двенадцать штук. Возвращаюсь на базу. Перекрой мою зону.

— Я — Седьмой! — откликнулся не менее громкий и еще более неприятный баритон. — У меня самого уже восемь на хвосте.

— Ничего, я мигом, — заверил бас.

Планетная система, к которой мы приблизились, была буквально забита космическими кораблями всех мыслимых и немыслимых конструкций и форм. Одни из них лепились к поверхности планеты и астероидов, другие, сцепившись гроздьями, болтались в пустоте. Буксировщик бесцеремонно сбросил нас на первую попавшуюся планету — маленькую и на вид совершенно безжизненную — и, игнорируя наши запросы, удалился в том же направлении, откуда прибыл.

Первыми, кого я встретил, выбравшись из корабля (попутчик мой, кстати говоря, вылез сразу же и исчез, даже не попрощавшись), были два верзилы в одинаковых яйцеобразных скафандрах. Даже для этих мест выглядели они странновато — какие-то пузатые жерди со множеством висячих отростков, сплошь заросшие не то мохом, не то шерстью. Невозможно было догадаться, где у

них находится то, что заменяет мозги. Поскольку одно из трех имевшихся в наличии светил в этот момент садилось, а другое, наоборот, быстро всходило, левый бок обоих отсвечивал багровым, а правый — сиреневым цветом. Кроме того, у каждого предмета здесь имелось две тени разной насыщенности. Один из верзил постучал (не могу даже сказать, чем — ногой, хвостом, шупальцем или курдючным наростом) по борту корабля и изрек:

— Издалека?

— С Земли, — ответил я, внутренне подобравшись. Ясно было, что вопрос был задан неспроста.

— Да-да, — он сочувственно кивнул чем-то, даже приблизительно не знаю, чем (на голову эта штука явно не была похожа). — Очень далеко ... А транспортное средство чье?

— Наше, земное. Сами построили.

— Сами? — он фальшиво изобразил восторг.

— Молодцы, молодцы ... И документы с собой имеются?

Я тут же передал ему маршрутный лист, командировочное удостоверение на семьсот тридцать миллионов суток, официальное послание землян, свой паспорт и справку о прививках.

— Да-да, — сказал верзила, незаметно отрывая уголок удостоверения (очевидно, на анализ).

— Хорошие документики. Отличные документики ... Такие документики у нас любой ребенок нарисует ...

— Отвяжись от него, — сказал вдруг другой верзила. — Разве ты не видишь, он совсем не похож на того, кто угнал лайнер с Зильды. Тот был одноглазый, рыжий и с платиновым протезом вместо правой клешни.

— А я разве что? Я ничего! — удивился первый. — С прибытием вас! Успешной регистрации.

Оба они сделали не то полупоклон, не то неуклюжий реверанс и неторопливо двинулись дальше, но я еще долго слышал унылое бормотание: «Глаз что, глаз приклеить можно ... Даже легче, чем шкуру перекрасить ... А вот протез ... Да еще платиновый ...»

Я задраил люк корабля, повесил, где надо, контрольные замочки и подался на поиски регистрационного пункта. Какой-то попавшийся мне навстречу абориген дал необходимые советы:

— Иди в любую сторону, — сказал он. — Куда бы ты ни пошел, все равно попадешь на регистрацию. Это Планета Регистрации. Здесь больше ничем не занимаются.

Планетка сия, как я уже вам говорил, была маленькая, до горизонта рукой подать, и, не пройдя еще и тысячи шагов, я увидел здание явно казенной архитектуры, единственным украшением которого был ярко светящийся шестизначный номер. Вокруг здания бесконечной спиралью вилась очередь разнообразнейших существ, надо надеяться — разумных. Хвост очереди терялся где-то вдаль, возможно, на противоположном конце планеты. Картина эта напоминала большой патлач у индейцев племени нутка или универсальный магазин в последний день квартала. Я бодро двинулся напрямик к зданию, но кто-то ухватил меня сзади за скафандр.

— Куда это вы? — осведомился инопланетянин внушительной комплекции и, судя по всему, немалой силы.

— На регистрацию, — ответил я.

— А мы, по-вашему, куда — за пивом? — (Напоминаю, что за перевод ответственность несет только лингвистический анализатор-синтезатор). — Станьте сейчас же в очередь!

Чтобы найти в этой очереди крайнего, мне пришлось идти трое суток (по земному счету, конечно), так как здесь со сменой дня и ночи была полная неразбериха — то всходили сразу три солнца, то два заходили, а одно всходило, а иногда на небе начинался такой сумасшедший хоровод, что я закрывал глаза и двигался, как слепец, — наощупь. Не успел я еще отдышаться, пристроившись в конце очереди, как откуда-то подкатила кособокая медуза в прозрачной банке на колесах.

— Есть дело, — сказала она шепотом. — Срочный груз на Кальгеланд. Пока очередь дойдет, успеем смотаться.

— Что за груз? — осведомился я на всякий случай, хотя лететь, конечно же, никуда не собирался.

— Полмиллиарда медных сковородок. Пятьсот тысяч из них — твои. Расчет на месте.

— А не опоздаю я? Сколько времени обычно ожидают регистрации?

— Дай бог тебе дожить, — сказала медуза. Сказала она, конечно, иначе, но, напичканный идиомами, метафорами и сравнениями, а также прочей литературщиной, анализатор-синтезатор перевел именно так.

— Знаешь что, — сказал я медузе, указывая на первый попавшийся корабль. — Видишь вон ту посудину? Начинай погрузку. Мне нужно еще кое-какие дела сделать.

Она пулей рванула с места, только пыль поднялась, а я снова полез вперед. Что и говорить, перспектива дожидаться старости в этой дыре меня не устраивала. На глупые вопросы типа: «Куда вы?» — я теперь не реагировал. Конечно, если бы дело у меня было шкурное, пришлось бы спо-

койненко дожидаться очереди. Я такой! Но ведь я здесь как никак полномочный представитель Земли. Выполняю официальную миссию. Может быть, в это время все человечество, затаив дыхание, смотрит на меня сквозь космическую пропасть. В общем, пошел я напролом. «Мне только справку», — говорил я одним. «Вы что, ослепли? Я здесь давно стою!» — говорил я другим. «Сам нахал! Отодвинься, а то лапу оттопчу!» — говорил я третьим, самым настырным. И откуда все взялось!

На исходе шестнадцатого местного рассветозаката я достиг, наконец, толстой прозрачной стены регионального пункта. За этой стеной сидело существо, состоявшее, казалось, только из огромной бугристой головы и висячих слоновых ушей. Из ушей торчали какие-то аппараты (справочный компьютер и приемо-передатчик межзвездной связи, как я узнал потом). С треугольной фиолетовой губы свисало несколько микрофонов. Справа лежало устройство, устрашающий вид которого не оставлял сомнений в его назначении.

— Я — старший региональный регистратор с безусловным правом самозащиты, — сказала существо, даже не глянув на меня. — Предупреждаю об этом. А теперь кратко изложите суть вашей просьбы.

— Я прибыл сюда с планеты Земля с целью вступить в члены Ассоциации Разумных Миров.

— Основания для этого имеются? — по-прежнему равнодушно спросил регистратор.

— А как же!

— Какие же, интересно узнать? — мне показалось, что в его словах звучала ирония. Очень неприятно, скажу вам, когда лопухий головас-

тик в метр ростом издевается над тобой. — Вы вымирающий биологический вид?

— Нет, скорее наоборот. Размножаемся мы довольно успешно.

— Тогда, возможно, ваш народ пострадал во время Предпоследнего Необходимого или Последнего Необходимейшего Упорядочения?

— Насколько мне известно — нет.

— Может быть, ваша планета подлежит сносу по Генеральному плану благоустройства Галактики?

— Ничего не слышал об этом.

— И ваше светило не собирается в ближайшее время превратиться в коллапсар или сверхновую?

— Ни в коем случае.

— Так какие же основания вы имеете в виду?

— Мы овладели способом передвижения со сверхсветовой скоростью.

— И это все? А какой конкретно вклад вы можете внести в выполнение стоящих перед Ассоциацией задач?

— А какие перед ней стоят задачи?

— Прекращение расширения Вселенной. Передвижение обоих Маггелановых облаков поближе к нашей Галактике. Уборка космического мусора. И это еще не главное, а, так сказать, текущие задачи.

— Ну, что же, если надо, значит, надо. Прекратим, передвинем, намусорим ... ох, простите, я хотел сказать — уберем.

— Хорошо. Раз вы настаиваете, мы приступим к предварительному оформлению. Сейчас я выпишу вам направление на Центральную регистрационную комиссию, где вы пройдете все необходимые формальности. Затем будет создана ав-

торитетная комиссия, которая на месте изучит ваши ресурсы и возможности. После этого на ближайшем заседании Ассоциации доклад комиссии подвергнется обсуждению, а вопрос о приеме будет поставлен на голосование. В случае его благоприятного исхода будет создана вторая комиссия, которая приступит к обучению вашего народа галактическому языку, галактической этике и зачаткам галактической культуры. По ее представлению и будет вынесено окончательное решение. После краткого испытательного срока вас примут кандидатом в члены Ассоциации, потом — если все пойдет хорошо — членом без права голоса и, наконец, полноправным членом.

— И сколько на это уйдет времени?

— Не знаю. Сейчас у нас сильная запарка. Может быть, полгода. Может, год.

— Ну, это я вам скажу, недолго.

— Я имею в виду галактический год.

— Что-о? — переспросил я, пораженный. — Галактический год! Двести миллионов наших лет!

— А как вы думали? Одну только комиссию собрать чего стоит! По уставу в ней должны быть представлены все полноправные члены Ассоциации. А их на текущий момент ... — он глянул на какой-то экран, по которому все время бежали какие-то цифры. — Двадцать два с половиной миллиарда. За время нашей беседы в Ассоциацию принято пятьсот новых членов и не менее двадцати выбыло по разным причинам. Вы хоть на своем транспорте явились?

— Конечно.

— Это хорошо. А то некоторые умудряются добраться на попутных ... Значит, сбор и доставку членов комиссии вы берете на себя. И не за-

будьте, что всех их надо кормить, а вкусы у них строго индивидуальные. Ну, жилье, одежда, развлечения, медицинское обслуживание — это ерунда. Что еще... Куда же вы? Раздумали вступить в Ассоциацию?

— Я немного подумаю.

— Это ваше право. Следующий!

В нолном расстройстве отошел я от регистрационного пункта и побрел куда глаза глядят. Помню, когда я снова оказался у хвоста очереди, кислород, вода и пища в скафандре уже были на исходе. За время моего отсутствия прибыло еще несколько тысяч соискателей. Самым последним стоял маленький зеленый поросенок с роскошным шелковистым хвостом. Он косился по сторонам прекрасными изумрудными глазами — очевидно, тоже искал контакта.

Я занял за ним очередь. Так, на всякий случай. Если вы вдруг окажетесь в системе Тройного Рога, на планете Регистрации, у регионального пункта, шестизначный номер которого оканчивается на 13, сразу же ищите зеленого поросенка с лисьим хвостом. Меня он должен помнить. Хотя и это не главное.

Как оказалось, при сверхсветовых скоростях собственное время в космическом корабле движется в обратном направлении, так что я вернулся на Землю не только до момента рождения, но и задолго до возникновения научных методов познания мира. Топливо я в дороге истратил полностью, а корабль угробил при посадке.

Так что теперь меня больше никуда не посылают. Разве что через улицу к соседу — за спичками. Наверное, это — самое главное.

СОДЕРЖАНИЕ

Личный контакт 3

Порядок регистрации 17

Литературно-художественное издание

Юрий Брайдер, Николай Чадович

ЛИЧНЫЙ КОНТАКТ

Фантастические рассказы

(Фантакрим-микро. Фантастика, приключения, детектив)
Сдано в набор 01.12.89. Подписано в печать 22.11.89.
АТ 10786 Формат 84×108 1/64. Бумага офсетная. Гарни-
тура литературная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 1.0
Уч.-изд. л. 1.2 Тираж 105.000. Зак. № 6110. Издательство
«Прометей» МГПИ им. В. И. Ленина. 119048, Москва,
ул. Усачева, 64. Отпечатано в Валмиерской типографии
«Лиезма» Государственного комитета Латвийской ССР
по культуре, 228600, г. Валмиера, ул. А. Упиша, 7

Координатор выпуска Н. А. Фридман.

Составитель выпусков «Фантакрим-микро»

М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование

С. В. Баленок

Цена 30 коп.